

A detailed oil painting of Ludwig van Beethoven, showing him from the chest up. He has wild, grey hair and a serious expression, looking slightly to the left. He is wearing a dark coat over a white shirt and a red cravat. His right hand holds a quill pen over an open book or manuscript. The background is dark and textured.

БИО
ГРАФИЯ

Ромен Роллан

Жизнь Бетховена

Перевод с французского
Марии Богословской

ФТМ

Ромен Роллан

Жизнь Бетховена

Серия «Биография (ФТМ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6099752
Жизнь Бетховена. Жизнь Микеланджело: ФТМ; Москва; 2018
ISBN 978-5-4467-3412-2

Аннотация

Французский романист и драматург, автор таких великих произведений, как «Кола Брюньон» и «Очарованная душа», Ромен Роллан был удостоен в 1915 году Нобелевской премии «...за возвышенный идеализм произведений, и также за подлинную симпатию и любовь, с которой писатель создает различные человеческие типы». Романа Роллана привлекали яркие талантливые личности, оставившие свой след в искусстве и истории. Так возник цикл «Жизни великих людей», включивший в себя биографии Бетховена, Микеланджело и Толстого, а также пьеса «Дантон», вошедшая в цикл «Театр революции».

Одну из повестей цикла «Жизни великих людей» Ромен Роллан посвятил человеку, перед которым преклонялся всю жизнь. Романтизированный облик Бетховена, проступающий на страницах этой повести, является не столько документальным портретом композитора, сколько неким идеалом совершенного (в понимании Роллана) Человека и Творца.

Содержание

Предисловие автора	4
Предисловие автора	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ромен Роллан

Жизнь Бетховена

Предисловие автора

В то время, когда я писал мою маленькую «Жизнь Бетховена», — тому назад четверть века, — я не думал ни о каком музыковедческом исследовании. Это было в 1902 г. Я переживал бурное время, обильное и сокрушительными и животворными грозами. Я бежал из Парижа. Я хотел найти себе убежище на десять дней подле друга моего детства, который не раз уже поддерживал меня в жизненной борьбе, — Бетховена. Я приехал к нему в Бонн, и там предстала передо мною его тень; я встретил старых его друзей Вегелеров, в лице их внука, которого я посетил в Кобленце. В Майнце я слушал торжественное исполнение его симфоний; оркестром дирижировал Вейнгартнер. И вот наедине с ним, исповедуясь ему на берегах Рейна, окутанных туманом, в эти серые, ненастные апрельские дни, весь пронизанный его скорбью, его мужеством, его Leiden¹ и его Freude², я упал перед ним на колени, и он поднял меня своею сильной рукой, окрестившей мое новорожденное дитя, «Жан-Кристофа», — осе-

¹ Страданием (нем.). — Прим. ред.

² Радостью (нем.). — Прим. ред.

ненный его благословением, исполненный мужества, я возвратился в Париж и, вновь примирившись с жизнью, провозгласил благодарственный гимн, с которым восставший с одра болезни обращается к провидению. Вот эти страницы и были моим благодарственным гимном. Они были напечатаны сначала в журнале «Ревю де Пари», а затем вышли в свет у Пегги. Я не думал, что они станут известны за пределами узкого круга моих друзей. Но «habent sua fata...»³

Я прошу извинить меня за эти подробности. Я считаю своим долгом ответить на придирчивые нарекания тех, кто рассматривает мой гимн как ученый труд, написанный по строгим методам истории. Я и сам историк, но в других моих трудах. Я принес музыковедению добросовестную дань в нескольких книгах – в моем «Генделе», в работах по опере. Но «Бетховен» написан мной отнюдь не в научных целях. Это была песнь измученной души, души задыхающейся, которая вновь обретает способность дышать, возвращается к жизни и благодарит своего спасителя. Я хорошо знаю, что преобразил по-своему облик этого спасителя. Но ведь так оно и бывает всегда в делах веры и любви. А мой «Бетховен» – поистине плод веры и любви.

Люди ухватились за него и создали этой маленькой книжке успех, которого она вовсе не искала. В то время миллионы людей во Франции, целое поколение мечтателей, тоскующих об идеальном мире, мучительно жаждали какого-то

³ Книги имеют свою судьбу (лат.). – Прим. ред.

освободительного слова. Они обрели его в музыке Бетховена и бросились к нему со своими мольбами. Кто из переживших те годы не вспоминает концерты, где исполнялись квартеты Бетховена, когда зал был подобен храму, где звучит «Agnus» и где страдальческие лица следят за совершением таинства, озаренные светом его откровения! Нынешнее поколение далеко от тех, кто жил вчера. (Но будет ли оно ближе к тем, кто придет завтра?) Из поколения, жившего в первые десятилетия нашего века, многих скосила смерть: зияющая пропасть войны поглотила отцов и лучших из их сыновей. Моя маленькая «Жизнь Бетховена» запечатлела их образ. Написанная одиноким человеком, она, сама того не ведая, напоминает о них. И они узнают себя в ней. В течение нескольких дней маленькая книжка, выпущенная скромным издательством, написанная никому неизвестным автором, разошлась полностью, ее передавали из рук в руки. И теперь она уже не принадлежит мне.

Я только что перечел эти страницы. И, несмотря на все их недостатки, решил ничего не менять⁴. Ибо они должны сохранить свой первоначальный характер и священные черты великого поколения. В день столетней годовщины я приобщаю память об этом поколении к торжественному чествованию его великого друга, учителя прямодушия и искренно-

⁴ Автор предполагает посвятить изучению искусства Бетховена и его творческой личности другое произведение, где исторические и музыкально-технические моменты будут разработаны более тщательно. — *Р. Р.*

сти, — того, кто научил нас жить и умирать.

Ромен Роллан

Март 1927 г.

Предисловие автора

*Я хочу доказать, что тот, кто поступает
достойно и благородно, тем самым обретает в себе
силу переносить несчастья.*

Бетховен

(Венскому муниципалитету, 1 февраля 1819 г.)

Вокруг нас душный, спертый воздух. Дряхлая Европа впадает в спячку в этой гнетущей, затхлой атмосфере. Мелкий материализм, чуждый всему возвышенному, сковывает мысль; он врывается в действия государственных деятелей и отдельных людей. Мир погибает, задущенный своим трусливым и подлым эгоизмом. Мир задыхается. Распахнем же окна! Впустим вольный воздух! Пусть нас овеет дыханием героя.

Жизнь трудна. Она стала повседневной борьбой для всех тех, кто не мирится с душевной посредственностью, борьбой чаще всего безотрадной, лишенной величия и радости, которую ведут молча, в одиночестве. Задавленные нуждой, тяжкими домашними заботами, обремененные бессмысленными обязанностями, бесплодно выматывающими силы, люди, которые ведут эту борьбу, без надежды, без единого проблеска радости, в большинстве случаев ведут ее порознь и лишены утешения протянуть руку своим братьям по несчастью, ибо не знают друг друга. Им приходится рассчитывать

только на самих себя, и бывают минуты, когда даже самые сильные из них изнемогают в несчастье. Они вызывают о помощи, зовут друг друга.

И вот для того чтобы прийти им на помощь, я хочу собрать вокруг них героических друзей, великие души, которые страдали во имя добра. Эти «Жизнеописания великих людей» вызывают не к гордости честолюбцев – они посвящены несчастным. А ведь в сущности все несчастны. Протянем страждущим целительный бальзам священного страдания. Мы не одиноки в борьбе. Тьма, простершаяся над миром, прорезается чудесными огнями. Даже сейчас рядом с нами сияют два чистых пламени – пламя Справедливости и пламя Свободы: полковник Пикар и бургундский народ. Если им и не удалось разогнать этот сгустившийся сумрак, они указали нам путь вспышкой молнии. Пойдем же вслед за ними, вслед за всеми, что боролись, как они, в одиночку, разбросанные по всем странам, во всех веках. Уничтожим преграды времени. Воскресим племя героев.

Я называю героями не тех, кто побеждал мыслью или силой. Я называю героем лишь того, кто был велик сердцем. Как сказал один из самых великих, тот, о чьей жизни рассказывает эта книга: *«Я не знаю иных признаков превосходства, кроме доброты»*. Если у человека нет величия души, он не может быть великим человеком, ни даже великим художником, ни великим деятелем, а лишь пустым истуканом для презренных толпищ; время поглотит их вместе, не оставив и

следа. Что нам успех? Важно быть, а не казаться великим.

Жизнь тех, о ком мы пытаемся здесь рассказать, почти всегда была непрерывным мученичеством; оттого ли, что трагическая судьба ковала души этих людей на наковальне физических и нравственных страданий, нищеты и недуга, или жизнь их была искалечена, а сердце разрывалось при виде неслыханных страданий и позора, которым подвергались их братья, – каждый день приносил им новое испытание; и если они стали великими своей стойкостью, то ведь они были столь же велики в своих несчастьях. Так пусть же не слишком сетуют те, кому приходится тяжело: лучшие люди человечества разделяют их участь. Укрепимся их мужеством; а если у нас иссякнут силы, передохнем немного, положив голову им на колени. Они утешат нас. Из этих высоких душ струится поток спокойной силы и могучей доброты. И, даже не постигая до конца их творений, не слыша их голоса, мы прочтем в их глазах, в истории их жизни, что жизнь никогда не бывает более великой, более плодотворной – и более счастливой, – нежели в страдании.

* * *

Во главе этого героического отряда я отвожу первое место мощному и чистому душой Бетховену. Несмотря на все свои бедствия, он сам хотел, чтобы его пример мог служить поддержкой другим страдальцам: «Пусть страдалец утешится,

видя такого же страдальца, как и он сам, который, вопреки всем преградам, воздвигнутым самой природой, сделал все, что было в его силах, дабы стать человеком, достойным этого имени». После долгих лет борьбы, одержав ценой сверхчеловеческих усилий победу над своим недугом и выполнив свой долг, который, как он сам говорил, состоял в том, чтобы вдохнуть мужество в несчастное человечество, этот Прометей-победитель ответил другу, взывавшему к Богу о помощи: «Человек, помогай себе сам!»

Вдохновимся же этими гордыми словами. Последуем примеру Бетховена и возродим у людей веру в жизнь и в самого человека.

Ромен Роллан

Январь 1903 г.

* * *

Благотворить, где только можешь,
Превыше всего любить свободу
И даже у монаршего престола
От истины не отрекаться.

Бетховен

(Листок из альбома, 1792)

Он был невысокий, коренастый, могучего, почти атлети-

ческого сложения. Лицо широкое, кирпично-красного оттенка, — только на склоне лет цвет кожи стал желтоватым, болезненным, особенно зимой, когда он сидел сиднем в четырех стенах, вдалеке от своих любимых полей. Лоб мощный, шишковатый. Волосы, необычайно густые и черные, казалось, не знали гребня: они торчали во все стороны — «змеи Медузы»⁵. Глаза его пылали изумительной, поражающей всех силою. Однако многие заблуждались относительно цвета его глаз. Они сверкали таким неистовым блеском на его смуглом трагическом лице, что обычно казались черными, на самом же деле были не черные, а серо-голубые⁶. Маленькие, очень глубоко посаженные, они под влиянием гнева или страсти внезапно широко раскрывались и метали во все стороны быстрые взгляды, в которых с чудесной полнотой и правдивостью отражалась мысль⁷. Часто они скорбно устремлялись к небу. Нос у него был короткий, обрубленный, широкий — отсюда это сходство с обликом льва. Тонко очерченный рот, — впрочем, нижняя губа немного выдавалась. Мощные челюсти, которые могли бы дробить грецкие орехи. На подбородке справа глубокая ямка, что делало его лицо странно асимметричным. «У него была добрая

⁵ Дж. Рассел (1822 г.). — Карл Черни, мальчиком, в 1801 г., увидев его однажды небритого, с обросшим щетиной лицом, всклокоченной гривой, в куртке и панталонах из козьей кожи, решил, что перед ним Робинзон Крузо. — *Р. Р.*

⁶ Замечание художника Клебера, писавшего с него портрет около 1818 г. — *Р. Р.*

⁷ «Его прекрасные говорящие глаза, — пишет доктор В. К. Мюллер, — их ласковый и нежный взгляд, то блуждающий, то грозный и ужасный» (1820 г.). — *Р. Р.*

улыбка, – вспоминает Мошелес, – и, когда он разговаривал с кем-нибудь, на лице его появлялось приветливое, располагающее выражение. Смех, наоборот, был у него неприятный, резкий, вымученный и притом отрывистый» – смех человека, не привыкшего радоваться. Обычное выражение его лица печальное – «неизлечимая скорбь». Рельштаб в 1825 г. признавался, что он с огромным трудом удерживал слезы, видя «его кроткие глаза, затаившие невыносимую муку». Годом позже Браун фон Браунталь встречает его в трактире: он сидит один, в углу, в зубах дымится длинная трубка, глаза закрыты – привычка, которую за ним замечали все чаще к концу жизни. Кто-то из друзей обращается к нему. Он грустно улыбается, достает из кармана маленькую записную книжечку – «разговорную» – и пронзительным голосом, каким часто говорят глухие, просит написать то, о чем его спрашивают. В минуты вдохновенья, которое осеняло его поистине неожиданно, иной раз даже на улице, лицо его преображалось, вызывая изумленье прохожих. Так бывало иной раз, когда он сидел один за фортепиано. «Мускулы лица напрягались, вены вздувались, неистовый взор становился подлинно грозным, губы дрожали, он был похож на мага, которого побороли демоны, им самим вызванные». Персонаж из Шекспира⁸

⁸ Клебер говорит: «Из Оссиана». Все эти подробности почерпнуты из записей друзей Бетховена, или из заметок путешественников, встречавшихся с ним, – как, например. Черни. Мошелеса, Клебера, Даниеля Амадеуса Аттербома, В. К. Мюллера, Дж. Рассела, Юлиуса Бенедикта, Рохлица и др. – *Р. Р.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.